

АМИ Д. ПЛАТ

ВОЛЧИЦА, ПОКОРИВШАЯ ХАОС

фэнтези

МИО

Жизнь моя скучна и непримечательна, да и жить мне осталось всего ничего. Последние месяцы на свободе — не хочется думать о грустном. Мама пристыдила бы меня за жалость к себе. Моё дело — встать пораньше, приготовить всем завтрак и уйти на речку стирать, чтоб не мешаться под ногами, когда папа и братья проснутся. Потом надо вернуться, приготовить еду и два раза отнести им. На самом деле папа меня любит, только виду не подаёт. А вот за братьев не ручаюсь.

Наша деревня Соты стоит на большой реке, и работы для мужчин, кроме рыбной ловли, нет. Все рисовые поля в округе принадлежат даймё, и там трудятся его крестьяне. Мы живём на отшибе и обмениваем выловленную рыбу на рис. Женщины ещё ткут и занимаются домашним хозяйством. После обеда я всегда помогаю маме, а вечером она готовит сама. За едой она не любит разговаривать, лишь поправляет меня, если

спина недостаточно прямая, локти слишком торчат или пояс на кимоно смялся.

После ужина хожу в храм, отношу подношения богине Аматаэрасу. Лесная тропинка петляет по невысоким холмам, и обычно на ней я встречаю Коити. Этого момента жду весь день.

Едва завидев его силуэт, хочу разрыдаться от безысходности, но сглатываю противное щиплющее чувство, и сердце наполняется приятной истомой.

— Привет, сороконожка! — кричит мне Коити и машет рукой.

Никакая я не сороконожка — Коити придумал это прозвище, потому что руки и ноги мои худые, как лапки насекомых. Сам он ничуть не упитаннее, может, даже ещё тоньше, да где нам отъестся?

— Я принёс тебе онигири.

Он протягивает мне рисовый шарик. Догадываюсь, что он прихватил лишний для меня и отец его отругает, скажет, что от Коити одни неприятности и никакого проку. Онигири я всё равно принимаю. Наверное, ему жалко девочку, которая скоро умрёт, и он не знает, как ещё проявить заботу.

Мне бы хотелось, чтобы он меня обнял и поцеловал, но я никогда не решусь сказать такое вслух. Расставаться потом будет ещё тяжелей. Не хочу, чтобы Коити плакал, когда меня не станет.

Прошло больше года с тех пор, как я видела Коити в последний раз. Долгие месяцы я гуляю по тропинке в одиночестве. В ночной глуши полоскаю руки и рот в специальном колодце, захожу в хайдэн. Два хлопка,

два поклона, ещё хлопок. Молюсь о защите для себя и для Коити, где бы он сейчас ни был.

Холодный ветер тревожит кожу, я плачу и надеюсь, что великая Аматэрасу отзовётся на мои мольбы. Лес шелестит, переговаривается. Я слышу вдалеке песнь ночного дрозда и стук дятла, накидываю хаори и иду домой совсем одна.

ГЛАВА 1

Зябкий утренний воздух пробирал до костей, растрёпанные волосы облепляли лицо. В саду отцвели сливы и вишни, теперь всё заполнял приторный аромат едва распустившихся глициний, и даже запах водорослей с реки не мог затмить его сладкое облако. Крики трудяг, в том числе и отца, доносились с причала. Я сидела на крыльце и смотрела, как солнце поднималось над крышами лачуг.

С лёгким шуршанием отодвинулась в сторону входная дверь, вышла мама.

- Миюки, иди в дом, простудишься.
- Да какая уж теперь разница, матушка.
- И откуда столько смирения в такой юной особе? — слышался из глубины комнат голос деда.

Ему-то легко говорить. Проклятие передаётся в семье отца только женщинам. И мама, конечно, не знала об этом, когда её выдали замуж за папу.

И, конечно, не рассчитывала, что первый ребёнок родится девочкой. Двойное невезение.

Недавно мне исполнилось восемнадцать, и проклятие вступило в силу. Про него я услышала ещё лет десять назад, поэтому и мечтать не смела о пышной свадьбе, славном муже и пятерых детишках, о которых грезили другие девушки. Семья не посмеет сосватать меня кому-то и не позволит уехать из этой забытой духами деревеньки. Я опасна для других и нуждаюсь в убежище. Моя судьба — сидеть на привязи четверть каждого лунного цикла.

Мама свыклась с обстоятельствами — трое сыночек подарили ей надежду на внуков. Мама положила в подвале несколько дорогих шёлковых подушек, которые когда-то получила в приданое, и на этом примирилась с совестью. Как будто могли они мнимым уютom скрасить моё убогое существование.

Я зашла с ветхой веранды в старый покосившийся дом, и ароматы окутали тело.

— Садись завтракать, — сказала мама.

— Что-то не хочется.

Не дожидаясь, пока мать меня остановит, я схватила со стола рисовый шарик и пиалу чая и вышла обратно.

Рассеянный белёсый утренний свет меня успокаивал. Я гадала, когда же смогу снова его увидеть. Следующее утро, и утро после него, и ещё несколько дней подряд мне придётся сидеть в погребке без окон и свежего воздуха, без еды, без разговоров хотя бы с кем-то живым.

Пиала с зелёным чаем, горьким, как моя жизнь, и горячим, как моя голова в эти суматошные дни,

согревала руки. Мне так сильно хотелось, чтобы папа забежал ненадолго домой, чтобы обнял меня перед долгой разлукой, но он ни за что бы так не поступил.

Ближайшая фаза новолуния после моего восемнадцатилетия начиналась через три часа от рассвета этого дня — и как раз в это время неминуемая кара, наложенная на наш род за давние злодеяния, должна обрушиться на меня, ни в чём не повинную молодую девушку, когда-то давно отчаянно желавшую жить, а теперь примирившуюся с неизбежным. Пора было укрываться мне от людей.

У нас, в Стране Тысячи Сияющих Островов, поговаривали, будто оборотни обращаются в новолуние, потому что в это время бог Цукуёми не призывает луну путешествовать по ночному небу и не присматривает за ними. Среди всех прочих существ оборотней не любили сильнее всего, поэтому родители так хотели меня запрятать подальше.

Наша семья давным-давно прорыла тайный ход через пол по лесенке и что-то вроде большой звериной норы. Внутри зияла темнота. Лишь моя свеча слабо разгоняла мрак. Я сделала несколько шагов вниз и никак не решалась пройти дальше. Оглянувшись, я хотела встретить приободряющую улыбку, кивок головы, но услышала только скрежет засовов. Мама закрыла люк и несколько раз дёрнула ручку: проверить, что заперто намертво.

На полу лежала циновка, несколько подушек, миска с водой. Интересно, хоть что-то из этого мне пригодится? Никто из папиных или тем более дедушкиных сестёр не дожил до того, чтобы успеть рассказать мне,

как оно проходит. Я села на циновку, капнула на утрамбованный пол расплавленный воск и прилепила на него свечку. Не было ли ошибкой брать с собой огонь? Может, лучше потушить? Я провела ладонью над пламенем, оно слегка лизнуло меня языком, будто кот. Нет, если ждать в полной темноте, можно сойти с ума.

В углу пискнула мышь, от страха я вскрикнула и вскочила на ноги, уронив свечу.

— Ох!

Неудивительно, что грызуны пробрались и сюда. Почему только я об этом раньше не подумала? Я встала на колени и нащупала свечку. Зажечь её теперь никак не получится. Я рухнула на циновку и зарыдала от жалости к себе.

Что это за жизнь такая? Ради чего она нужна?

Папа не рассказывал, как умерли его сёстры. Но теперь догадаться было несложно: полнейшее отчаяние — ни выхода, ни смысла. Вообще ничего. С ужасом я ждала начала превращения. Все байки, ходившие среди деревенских, гласили, что это жутко больно и неприглядно: с тебя слезает кожа, ломаются кости, отрастают новые хрящи и сухожилия, шерсть, когти. Хотя им-то откуда знать?

Пока я ничего такого не чувствовала. В полной темноте словно парила в бескрайнем ночном небе. Меня немного укачивало, как на папиной рыбацкой лодке. Когда кажется, что ветра совсем нет, сперва ты стоишь на месте, а потом ложишься на дно на спину и начинаешь гадать, на что похожи медленные облака в вышине, но через какое-то время замечаешь, как сильно тебя укачало и как тяжело встать на ноги. Даже

поднявшись, даже сойдя на сушу, чувствуешь, будто волны накатывают на тебя, под солнечным сплетением крутит, а в голове — бобовое пюре.

Я плыла по бесконечности моей каморки, желудок подкручивало, в голове всё смешалось. Потрогала лоб, щёки — казалось, тело горит. Стало невыносимо жарко, будто вместо одной моей потухшей свечи зажглись сотни новых. Я скинула кимоно и нижнюю одежду. Глаза начали привыкать к темноте. Земляные стены пахли грибницей и сыростью, я провела рукой по гладкой поверхности, и меня обожгло холодом. Палец наткнулся на маленький камешек, я отковырнула его ногтем. Из выемки заструился золотистый свет, будто внутри что-то было. По коже пробежали мурашки. Мои руки и живот стали серебреными, как когда я бегала купаться в лесном озере с Коити.

Он был такой же бледный, тощий, как я, и так же не стеснялся наготы. Моя первая любовь, подобная лепесткам сакуры на весеннем ветру и мелодии кото, летящей с гор. Я глядела на Коити, и в сердце поднималась надежда, что судьбу можно переиграть. Лес принадлежал даймё, и вообще-то нам нельзя было в него заходить под страхом смерти. Но что мы теряли? Отчаянные бедняки без будущего.

Мы таскали яблоки из сада — красные, наливные, будто ненастоящие, и мягкие, перезревшие абрикосы; кормили в декоративном пруду карпов кои, когда их спины переливались в переменчивом сумрачном свете; рыбы напрыгивали друг на друга в поисках заветной крупинки корма. А потом мы с Коити уходили вглубь сада, туда, где нас точно никто не мог

застукать. Скидывали одежду и ныряли в озеро. Тесин казнил бы нас за такое осквернение его владений. Но в те ночи свежая чистая вода, ощущение свободы и лёгкости ценились нами дороже собственной жизни.

Коити жил без матери. Ему не повезло родиться то ли пятым, то ли шестым сыном в семье. В начале прошлой весны отец продал его какому-то торговцу за мешочек монет. Мы даже не смогли нормально попрощаться — не при посторонних. Если бы я позволила себе его обнять, мать бы сразу подумала, что между нами что-то есть, и потом неделями ругала. Из-за проклятия для неё было страшным сном, чтобы я связалась с мужчиной. Обиднее всего, что она боялась не за меня, а за то, что кто-то посторонний нашу семью осудит или мужчина вернётся с претензиями, когда узнает, кто я. Так что я стояла на другой стороне улицы, глотая слёзы и глядя, как его увозят.

Я повернулась спиной к свету, исходившему от стены, и на тёмной утрамбованной земле увидела лицо Коити. Обычно я не разрешала себе вспоминать его; жалеть, что между нами не было большего; что не подумала сбежать с ним. Только сегодня захлестнувшее меня отчаяние напомнило о нём. Видимо, поэтому картинка была столь отчётливой. Я вглядывалась в его лицо, в приближающуюся фигуру и думала: может, какой-то ёкай затмил мой разум? Наверное, стоило его поблагодарить за избавление от боли, которая так и не пришла.

В этом призрачном Коити что-то было не так. Картинка постепенно обретала цвета: у этого юноши более длинные волосы, более светлые. Совсем другие

глаза — серо-голубые, как туман над рекой, большие — двумя холодными искорками горели в полумраке. Крепче мускулы, другой овал лица.

— Кто тут у нас? — насмешливо спросил он. — Девочка-волчонок?

— Как ты здесь оказался? Убирайся отсюда! — воскликнула я и, перепугавшись до ужаса, чуть не упала.

— Обычно попадают лисички. А это что-то новенькое.

— Что происходит? — уже тише спросила я.

— Пойдём со мной. — Он протянул раскрытую ладонь и приветливо улыбнулся.

Я отступила назад, врезалась спиной в ледяную стену, из которой исходил свет. Это словно выдернуло меня из дрёмы. Вдруг стало холодно и неуютно без одежды.

— А ты красавица, — заметил незнакомец. — Ну же, не бойся. Я кое-что покажу.

Неуверенно, медленно вложила свою ладонь в его. И тут же вихрь света дёрнул меня вперёд. Я зажмурилась. Глазам было так больно, будто в полдень смотришь на солнце. Потом всё погасло.

Он шёл впереди, оставляя следы на песке. А я шла за ним, не отпуская бархатистую руку, вперив взгляд в наши сцепленные ладони, источавшие тепло. Мы оба были обнажены, но я не испытывала стыда, будто уверенная в том, что всё это мне привиделось.

— Куда ты меня ведёшь? Это сон?

— Нет, волчонок, не сон.

Я посмотрела вокруг. Со всех сторон разлилась пустыня. Я никогда прежде не видела столько песка

разом. Дюны шли рябью, словно вода, струились под босыми ступнями, щекотали нежную кожу. Мне захотелось упасть в эти приветливые барханы. Сухой воздух царапал нос, все ощущения стали острее, но я была уверена, что тело моё оставалось человеческим. Небосвод сиял такой яркой синевой, что не верилось в реальность происходящего.

Юноша резко остановился и обернулся, встретившись со мной взглядом. Расстояние между нами, и так незначительное, сократилось. Он уставился на меня с интересом, но не с таким, который в мужчине вызывает обнажённая женская фигура. Всё же я немного смутилась. Он опустил передо мной на колени и набрал полные горсти песка.

— Так тебе будет комфортнее.

Сказав это, он поднялся, поднёс кулаки к моим плечам. Двумя тонкими струйками посыпался песок, щечка мне спину, ключицы и грудь. Соски затвердели маленькими бусинками, по животу пробежали мурашки.

Жёлтые крупинки превращались в золотую ткань, в волшебный покров, ласкающий кожу. Я заметила, что на незнакомце одежда из такой же ткани, только чуть более тёмная, словно от времени. Когда он успел сотворить наряд?

— Мне точно это снится. Или ты колдун.

— Нет, какой из меня колдун, — засмеялся он. — Зови меня Эол. Я тоже оборотень, как и ты.

— Почему мы всё ещё в обличье людей?

— В межмирье и на Равнине Высокого Неба мы такие всегда. Держу пари, ты считала это проклятием. — Эол неожиданно тепло улыбнулся. — Первое

правило! Запомни! Обычным людям нельзя говорить правду: это не проклятие, а дар. Когда тело превращается в зверя, мы сами путешествуем по другим мирам. Здесь мы свободны и беззаботны. Я познакомлю тебя с остальными. Идём.

Спускаясь с очередной дюны, я заметила костёр. Огромное пламя взвивалось ввысь, рассыпая снопы искр. Рядом сидели несколько людей и разговаривали. Мы с Эолом бесшумно приблизились и опустились на песок, не прерывая рассказа, который вела женщина. Я бы не смогла угадать, сколько ей лет. Яркий свет сглаживал мудрое лицо, а сама она говорила на незнакомом языке. Тягучие плавные звуки струились вокруг меня, но я не понимала смысла. Закончила говорить она с вопросительным выражением.

— Как тебя зовут? — с готовностью перевёл Эол.

— Миюки, — сказала я.

В горле женщины что-то забулькало, заурчало, и она заговорила на языке, который я понимала.

— Мы рады приветствовать тебя в Круге пяти Солнц, Миюки. Я старейшина — Кая. Сегодня день твоего первого превращения. И ты пока не поняла, что происходит, но я всё объясню. Мы в пустыне Намиб, это межмирье, откуда можно попасть в любое место на Равнине Высокого Неба. Есть определённые законы, которые нам нужно соблюдать, со временем ты их поймёшь и запомнишь. А пока можешь просто наслаждаться жизнью.

— Наслаждаться? — Я поверить не могла своим ушам. Такая мысль мне в голову прежде даже прийти не могла. Наслаждаться. Жизнью. Это как свобода, что ли?

— Да, дорогая. — Кая смотрела на меня с сочувствием. — Последнее время оборотней становится всё меньше, и мы тебе очень рады. А теперь скажи, куда ты хочешь попасть.

— К Коити, — не раздумывая выпалила я. Он бы удивился, услышав эту историю.

— Боюсь, такого определения недостаточно. — Брови Каи сложились в сочувственный домик. — Запомнила первое правило — не рассказывать людям? Так вот второе: невозможно попасть в место, расположение которого не знаешь. Поэтому мы обмениваемся опытом и внимательно запоминаем все названия.

— Но я не знаю никаких мест, кроме своей деревеньки. И не знаю, куда попал Коити.

— С первым поможем. Для этого мы и собираемся у костра: делимся впечатлениями, местами, которые повидали, языками, которые выучили, эпохами, которые успели сравнить. Поэтому важно охранять и защищать наш род. Когда умирают старейшины, пропадают драгоценные крупницы знаний и мир становится для нас уже.

— Как же мне найти Коити?

— За одно превращение ты можешь побывать в одном месте. Если ищешь друга, то лучше начать со своей деревни в дни, когда ты не волк.

— А я что, сейчас волк?

Кая молчала, и я добавила:

— Там. Дома.

— Да. Но твоё сознание тоже вполне осязаемо. Ты обретёшь плоть, когда переместишься из межмирья. Эол пойдёт с тобой, чтобы ты не растерялась.

Он будет подсказывать тебе, помогать и обучать нашим правилам и законам.

— Ладно, — кивнула я, всё ещё ошарашенная. Может, мне это снится? Горячка превращения закинула меня в это странное место с яркими звёздами, бархатистой пустыней и пьянящим пламенем, а на деле я лежала без сознания в подвале с зубастой мордой вместо лица.